

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ДАНИИЛ
АРОНСОН

СДЕЛКИ РАЗУМА

КОНСТИТУЦИЯ
КАНТОВСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
ПРАВА

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 1(091)

ББК 87.3

А 84

Рецензенты:

д. филос. н. Т. Б. Дlugач

к. филос. н. А. О. Копылова

Аронсон Д. О.

А 84 Сделки разума: конституция кантовской философии права. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 240 с. — (Studia philosophica).

ISBN 978-5-907290-30-3

В монографии философия права Иммануила Канта исследуется в контексте юридической логики кантовского мышления как такового. Различие между вопросом о факте (*quid facti*) и вопросом о праве (*quid facti*) связано со статусом философского знания как трансцендентального. Поскольку категории рассудка не применимы к самим себе, трансцендентальное познание не может быть объяснено в познавательных терминах, но должно рассматриваться юридически. Поэтому понимание кантовского критического проекта требует внимательного погружения в то, как внутри этой философии отрефлексировано право. Посредством экскурса в понятия фактума (глава I), постулата (II), свободы (III), права вообще (IV) и, наконец, частного и публичного права (V) монография развертывает самообосновывающую логику кантовского юридического разума. Наконец, глава VI освещает существующие точки зрения на вопрос об основаниях кантовского учения о праве, чтобы заострить особенность авторской позиции. Право не является ни производным от категорического императива, ни изолированным от него, оно есть другое, наряду с ним, выражение значимости, которую придает практической жизни существо, сознавшее свою разумность.

УДК 1(091)

ББК 87.3

ISBN 978-5-907290-30-3

© Д. О. Аронсон, 2020

© Издательский Дом ЯСК, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. FACTUM	23
Антиномия каузальности	24
«Значимость» в практической философии	29
Дедукция в «Основоположении к метафизике нравов»	37
Дедукция в «Критике практического разума»	42
ГЛАВА II. ПОСТУЛАТЫ	57
Три раздела естествознания	57
Три практических учения	67
Право и категорический императив	77
Право и практическая философия	80
ГЛАВА III. СВОБОДА	85
Телеология свободы	85
Свобода и право	90
Четыре смысла свободы	96
Внешняя и внутренняя свобода	113
Свобода и обоснование права	117
ГЛАВА IV. ПОНЯТИЕ ПРАВА	121
Законодательство как анализ понятия свободы	122
Принуждение как синтез произволений	126
ГЛАВА V. ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО	133
Частное право	136
Дедукция интеллигibleльного владения	139

Приобретение по договору	146
Публичное право	148
Общественный договор	148
Обоснование публичного права	153
Уголовное право	157
 ГЛАВА VI. СПОРЫ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРАВА	171
Тезис о независимости	172
Телеологическое понимание	184
«Официальный взгляд»	192
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
Литература	219
Именной указатель	231
Предметный указатель	233
Summary	239

БЛАГОДАРНОСТИ

Я признателен Андрею Константиновичу Судакову, который был моим научным руководителем, проявлял подлинный интерес к моей работе и сделал очень много для того, чтобы она получилась; Петру Владиславовичу Резвых, благодаря общению с которым мое понимание не только Канта, но и философии в целом поднялось на новый уровень; Юлии Вадимовне Синеокой, которая убедила меня сделать из диссертации книгу и помогла найти издателя; Жене Стрижак, которая придумала для книги название и заразила меня воодушевлением, граничащим с энтузиазмом.

Я благодарен моим родителям Рите и Олегу, моей бабушке Нине и другой бабушке Нине, без чьих самоотверженных усилий я никогда не стал бы тем, кто я есть.

Никто из этих людей не видел окончательного текста книги, а потому все ее недостатки целиком на моей совести.

ВВЕДЕНИЕ

«По какому праву я пользуюсь этим понятием?» — спрашивает Кант всякий раз, когда открывает для философии новый предмет, будь то категории чистого рассудка, автономная воля или суждение вкуса. Это не просто дань критической рациональности, желающей во что бы то ни стало отличить себя от грез духовидцев. Юридический метод составляет самую суть философского вопрошания. Эмпирическое исследование «указыва[ет], каким образом понятие приобретается благодаря опыту и размышлению о нем, а потому касается не правомерности, а лишь факта, благодаря которому мы усвоили понятие»¹. Философия же не сообщает никаких фактов. Она заявляет притязания и выясняет их правомерность, чтобы восторжествовала справедливость, даже если от этого погибнут все на свете плуты. Откуда такая точка зрения на наше ремесло?

Нельзя в полной мере понять мысль Канта, если не иметь в виду впечатления, которое произвела на него классическая

¹ (Критика чистого разума. В117 / С. 187). При цитировании сочинений Канта указывается их заглавие и номер страницы, на которой цитата находится в издании из списка литературы. Прочие библиографические данные не указываются. «Критика чистого разума» по умолчанию цитируется по изданию: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Под. ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. При цитировании по другим изданиям указываются библиографические данные. Немецкое академическое собрание сочинений Канта при цитировании обозначается аббревиатурой АА с указанием тома и номе-ра страницы.

механика. Даже описание доброй воли в кантовской практической философии не обходится без понятий физической теории². Ньютонаовская механика была знанием совершенно нового типа. Обобщения других естественных наук были либо приблизительны, либо касались отдельных явлений, а не предмета в целом. Так, в химии были известны многие реакции, но не было теории, которая позволила бы вывести любую возможную реакцию, а в астрономии были открыты законы движения планет, но они не распространялись на прочие тела. Физика же при заданных начальных условиях, выраженных как значения строго определенных переменных, описывала любую систему материальных тел, причем не просто ее нынешнее состояние, но все прошлые и будущие. Проблемы же с предсказанием событий в природе, похоже, никак не касались теории, поскольку они были связаны с недостаточно точным измерением начальных условий или с отсутствием математического аппарата, который позволил бы моделировать сложные процессы.

Важно было понять статус этого нового знания³. Кант определял его как синтетическое априори. Физическая теория позволяла изучать механические взаимодействия тел с помощью вычислений на бумаге и обращаться к наблюдению и эксперименту не для получения содержательно новых знаний, а для проверки положений теории. В этом априорность. В то же время механика изучала именно тела, а не понятие тела. Физик открывал причины и действия модельных тел без того, чтобы что-то уточнять в понятии

² Мы скажем об этом больше во второй главе, когда будем обсуждать деление учения о нравах. Но читатель уже сейчас может задуматься о происхождении таких терминов практической философии, как *Triebfeder* («мотив») и *Bewegungsgrund* (букв. «причина движения»).

³ Если сегодня проблемы физики находятся скорее на периферии философского мейнстрима, то это никак не связано с тем, что эта наука каким-либо образом скомпрометировала те достижения, которые потрясли людей Нового времени. Наоборот, она расширила свое впечатляющее описание на объекты, движущиеся с околосветовыми скоростями, и на явления квантового микромира. Оказалось, правда, что для описания макро- и микромира требуются разнородные модели, причем в связи с принципом неопределенности явления микромира поддаются лишь вероятностному описанию.

тела, стоящем за этими моделями. В этом синтетический, а не аналитический характер физики.

Поэтому, чтобы понять, повторим ли успех успех механики в каких-то других областях знания, нужно было ответить на вопрос: как возможны синтетические суждения априори?

Кант предостерегал объяснять эту возможность каким-то особым положением дел в мире, например исключительными человеческими способностями. Пытаясь понять природу априорного знания, бессмысленно спрашивать о его эмпирических предпосылках, потому что априорным его делает как раз то, что его истинность не имеет эмпирических предпосылок. Иными словами, возможность знать нечто с априорной достоверностью нельзя объяснить фактами, поскольку знать априори — значит знать независимо от фактов.

Само по себе существование того или иного предмета в опыте есть апостериорный факт. Поэтому априорное знание касается не того, существует предмет или нет, но условий, благодаря которым он вообще мог бы существовать. Теоретическая физика познает не вещи сами по себе, как апостериорные науки, и не понятия вещей, как логика, но возможность вещей. То же самое касается и философии, с тем существенным отличием, что предмет, возможность которого изучает физика, апостериорен, тогда как предмет философии — сами априорные представления, делающие возможным в том числе предмет физики. Как получилось, что вещи вообще существуют, что есть нечто, а не ничто — вопросы, на которые эти науки не отвечают. Такова цена априорности.

Что за условия делают предмет возможным, если этими условиями не могут быть никакие факты? Ответ Канта заключается в том, что эти условия суть правила. Знать предмет априори — значит знать правила, которым он подчинялся бы, если бы существовал в действительности.

Отсюда становится ясным коварство кантовского «как возможно?» в его вопросе о синтетических суждениях априори. Ведь речь идет уже не о возможности опыта согласно правилам, но о возможности самих правил. Это обстоятельство ставит проблему априорного знания второго порядка, которое касается уже не возможного опыта, но его условий. Кант называет такое

второпорядковое знание трансцендентальным. Устроено ли оно так же, как априорное знание об опыте? Если бы это было так, то трансцендентальные суждения были бы применением априорных правил опыта к самим себе. Однако всякий предмет, будучи подчинен этим правилам, по определению мыслится как возможный в опыте, т. е. могущий возникнуть в действительности⁴. Но в данном случае предметом были бы сами правила возможного опыта, которые потому и априорны, что их значимость не меняется от того, каким вещам случилось стать действительными. Правила возможного опыта неприменимы к самим себе.

Всеобщие правила эмпирического познания нельзя познать с помощью самих этих правил. Про категорию причинности нельзя сказать, что она возможна или действительна, что ее много или она одна. Ее нельзя рассматривать как причину того, что мы воспринимаем явления как каузально связанные. Она не организует опыт извне или изнутри, но имманентна ему. Она есть не предмет, который можно синтезировать в представлении, но синтез как таковой. Эмпирически можно знать предметы, но трансцендентально можно знать только синтезы — возможные отношения между предметами и представлениями. Причинность, всеобщность, необходимость — не свойства самих вещей, но и не эвристические абстракции, существующие только в представлении. Они суть функции отношения предметов к представлениям вообще. Поэтому в трансцендентальной логике они не субъекты высказываний и не предикаты, но предикаменты: способы отношения одного к другому⁵. Например, говоря «*x* есть черный ворон», мы приписываем логическому субъекту *x* предикаты: эмпирические

⁴ Доказательство того, что категории рассудка не имеют другого применения для познания вещей, кроме применения к предметам опыта, приводится в «Дедукции чистых рассудочных понятий», § 22 (Критика чистого разума. В146–148 / С. 137–137). Аргумент заключается в том, что в отсутствие созерцаний рассудочные понятия формальны и бессодержательны, поскольку только посредством созерцаний предмет может быть дан.

⁵ (Критика чистого разума. В108 / С. 175–177). Поскольку все категории качества, количества и отношения суть правила связи субъектов и предикатов в суждениях, эти категории, не будучи сами предикатами, не могут применяться к самим себе.